

С. И. БЕРЕСТНЕВ

О РОЛИ СОБАКИ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

Вопрос о месте и роли собаки в религиозно-мифологических концепциях древних народов неоднократно поднимался в исторической литературе, но решался преимущественно на фольклорно-этнографических и лингвистических материалах [1; 2; 3; 4 и др.]. В настоящее время появилась возможность рассмотреть эту проблему с привлечением археологических источников.

В 1983 г. в процессе охранных раскопок в зоне строительства оросительной системы в Балаклейском районе Харьковской области был исследован курган, содержащий уникальное захоронение собаки. Он входил в состав курганный группы «А» у с. Красная Гусаровка, находившейся на краю высокой второй надпойменной террасы правого берега Северского Донца. Группа насчитывала шесть насыпей, расположенных двумя локальными скоплениями по три кургана, разделенных небольшим свободным пространством. Курган 4 входил в западное скопление, образованное курганами эпохи энеолита — ранней бронзы (древнеямной и катакомбной общностей). Насыпь округлой в плане формы диаметром 16 м была создана в один прием из однородного чернозема. Уровень древнего горизонта находился на глубине 0,45 м от современной вершины, мощность слоя погребенной почвы 0,43–0,45 м. В 3,5 м к ЮВ от отметки «0» на глубине 0,45 м — на древней дневной поверхности — выявлено кострище в виде скопления древесных угольков и золы диаметром около 0,7 м; в кострище и рядом с ним найдены несколько мелких фрагментов неорнаментированного лепного сосуда и дробленные, частично кальцинированные, кости мелкого животного. На этом же уровне в центральной части кургана неоднократно зафиксированы крупные куски камня. Основное и единственное под насыпью погребение находилось в центре подкурганной площадки и было совершено в материковой яме с грунтовыми заплечиками. На уровне древнего горизонта было оконтурено неправильной эллипсоидной формы пятно размерами 2,8 x 2,0 м, ориентированное длиной осью в широтном направлении. Оно отчетливо выделялось на фоне погребенного чернозема цветом грунта заполнения, состоявшего из материковой глины с примесью мелких комочков мела. На поверхности пятна, в его центральной части, у северного и южного краев расчищены крупные (0,3-0,4 x 0,2-0,4 x 0,2-0,3 м) куски рваного камня — мелкозернистого кремнистого песчаника. У восточного края пятна, на древнем горизонте, обнаружена остаток раздавленного черепа коровы (быка?).

Глиняная засыпка могилы прослежена до глубины 0,10-0,12 м от уровня древнего горизонта, ниже, до глубины 0,43–0,45 м — до поверхности материковой глины, шел слой плотного комковатого чернозема, обильно насыщенного каменной крошкой и мелкими кусочками камня. На материке в центральной части ямы оконтурено еще одно пятно, выделявшееся сплошной каменной забутовкой. Дно ямы находилось на

глубине 0,85 м от древней дневной поверхности. Она имела прямоугольную в плане форму, с несколько округленными углами, размерами 2,0 x 1,18 м, и длинными сторонами была ориентирована по оси З — В. Заполнение ее составляли три последовательных слоя каменной забутовки, разделенных тонкими прослойками коричневатого органического тлена (дуба?). Нижний горизонт камней был уложен особенно тщательно: пространство между кусками песчаника было плотно забито мелкими обломками и каменной крошкой. На дне ямы находился полный скелет собаки, уложенной на правом боку, со слегка поджатыми лапами, головой на юг (рис. 1). Костяк принадлежал довольно крупному животному, высота в холке составляла примерно 45-50 см. Кости плохой сохранности, при извлечении распались.

Культурно-хронологическая атрибуция погребения затруднена отсутствием диагностирующих предметов материальной культуры. Найденные фрагменты стенок лепного сосуда сильно обожжены, на поверхности иногда заметны следы заглаживания зубчатым орудием. В глине различимы примеси песка и мелкого шамота. По этим признакам диапазон аналогий может быть чрезвычайно широк — от энеолита до эпохи поздней бронзы. Устройство могилы — яма с грунтовыми заплечиками — в целом соответствует некоторым типам позднейших погребений южных районов Левобережной лесостепи (Копанки-1, к.2; Старомажарово-2, к. 6). Как сохранение древнейшей традиции может рассматриваться и широтная ориентировка могилы. Вместе с тем, каменная забутовка могильных ям неоднократно встречается в захоронениях в ямах и ямах с подбоем, совершенных по катакомбному обряду и сопровождавшихся инвентарем катакомбного типа (Сеньково, к.1; Тимченки, к. 1). На близость катакомбному ритуалу указывает также кострище со следами тризны и наличие черепа коровы у края могилы; оба этих признака не характерны для древнейших погребений лесостепного региона.

В целом, время совершения захоронения собаки в кургане 4 можно ориентировочно определить концом древнейшего — началом раннекатакомбного периодов.

Специальные погребения собак — не редкость в археологических памятниках Евразии начиная с эпохи неолита. На территории грунтового могильника, связанного с поселением рязанской неолитической культуры Черная Гора, выявлены погребения четырех собак, произведенные в отдельных ямах. Собаки были уложены на боку, со слегка поджатыми лапами, и головами ориентированы на восток [5, с. 134]. Индивидуальные захоронения собак на площади грунтовых могильников встречены в неолитических памятниках Прибайкалья [6]. В неознеолитическом могильнике «Госпитальный холм» в пограничье лесостепи и степи Днепровского левобережья парное погребение собак было совершено в грунтовой яме с охровой посыпкой дна и сопровождалось каменной абразивной плиткой и фрагментом сосуда. Костяки лежали на боку, с поджатыми лапами, в антиподальной позиции и головами были направлены в противоположные стороны, на СВ и ЮЗ. По заключению автора раскопок, погребение было совершено в период функционирования среднестоговского могильника [7, с. 27-28]. На поселении среднестоговской культуры Деревка в Поднепровье захоронение собаки было произведено в грунтовой яме под стенкой жилища; собака лежала на левом боку, со слегка подогнутыми лапами, головой на север. Второе погребение, включавшее останки двух собак и черепа лошади, обнаружено на восточной окраине поселения [8, с. 36, рис. 21; с. 45, рис. 25].

Особого внимания заслуживает ситуация, прослеженная в кургане 31 могильника Клады в Прикубанье. В погребении новосвободненского типа в двухкамерной мегалитической гробнице, у входного отверстия найдены отлитые из бронзы и серебра фигурки двух собак, одна из которых по общим пропорциям туловища, неболь-

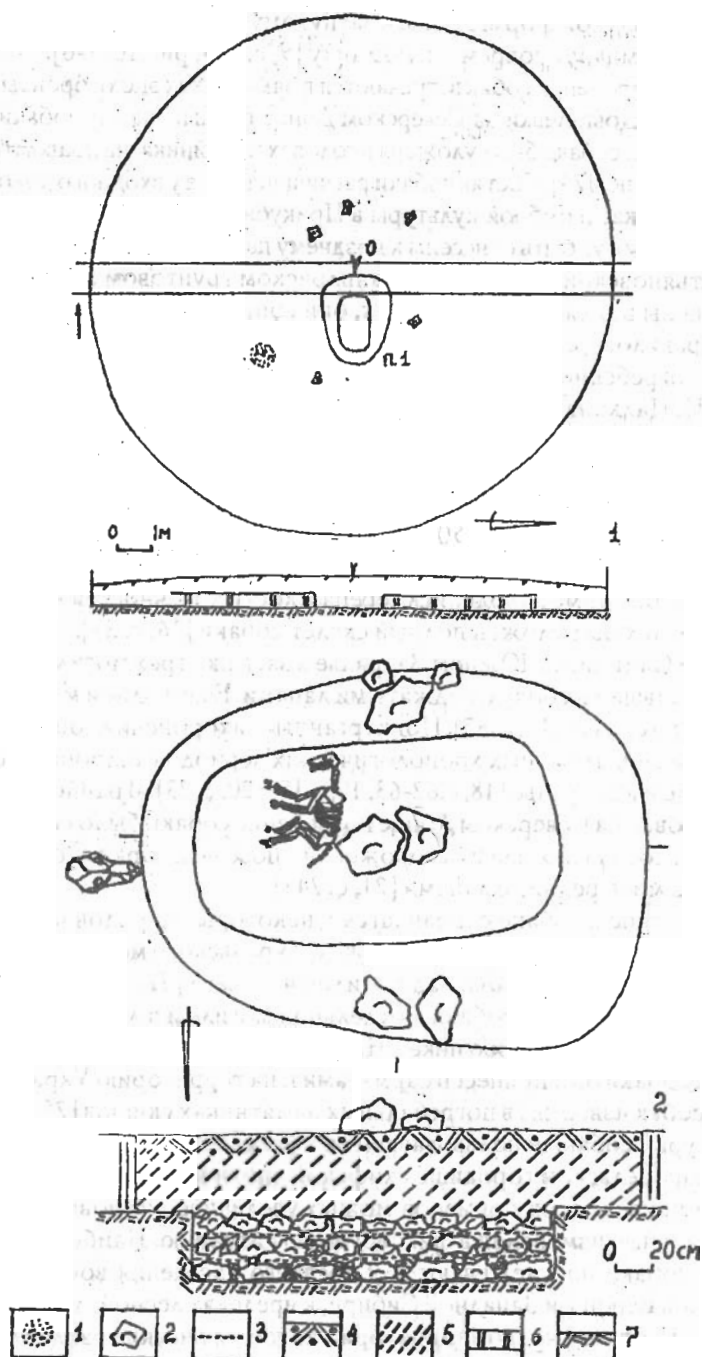

Рис. 1. Погребение собаки в кургане 4 у с. Красная Гусаровка.

1 — план и профиль контрольной бровки кургана.

2 — план и профиль погребения I.

Условные обозначения: 1 — кострище; 2 — камень; 3 — органический тлен; 4 — глина с примесью мела; 5 — чернозем с примесью каменной крошки; 6 — погребенная почва; 7 — материк.

шим стоячим треугольной формы ушам и загнутому в кольцо и уложенному на спину хвосту близко напоминает современную лайку [9, с. 184, рис. 10, 5-6].

Гораздо чаще захоронения собак встречаются в памятниках эпохи бронзы. В катакомбном погребении у с. Довгалеви на Северском Донце полный скелет собаки находился в погребальной камере; собака была уложена в головах покойника, на правом боку, головой на восток [10, с. 267, рис. 173]. Костяк собаки расчищен также у входного колодца погребения предкавказской катакомбной культуры в Прикубанье [11, с. 143]. Следует отметить, что оба погребения могут быть отнесены к позднему периоду катакомбной общности.

В позднефатьяновской Волосовско-Даниловском грунтовом могильнике останки собак обнаружены в девяти захоронениях, они сопровождали погребения взрослых мужчин. Как правило, скелеты собак находились на специальных грунтовых приступках, в головах погребенного, и лежали на боку, со слегка поджатыми лапами. По определению В. И. Цалкина, они походили на современных лаек [12, с. 14-15]. Костяки собак встречены также в мужском и детском (мальчика) захоронениях Тимофеевского и Болшневского могильников [13, с. 60-61; 14, с. 180]. Определенная близость и хронологическая совместимость фатьяновской и катакомбной культур подчеркивались еще В. А. Городцовым [15, с. 50-51].

Под первой насыпью Царева кургана на р. Тобол, рядом с основным абашевским погребением, в особой яме находились черепа и кости конечностей нескольких коров и овцы, а поверх них был уложен полный скелет собаки [16, с. 33].

В могильнике Синташта в Южном Зауралье в насыпке трех могил обнаружены костяки собак, лежавших на боку с поджатыми лапами. Еще в одной могиле находились скелеты собаки и теленка [17, с. 67]. Подкурганые захоронения собак неоднократно встречены в памятниках разных хронологических периодов андроновской общности на Южном Урале и в Зауралье [18, с. 62-63; 19, с. 153; 20, с. 23]. В раннесрубном кургане у хут. Черногоровка на Северском Донце погребение собаки было совершено в насыпи, над могилой; собака лежала в «сторожевой» позе — на брюхе, с поджатыми задними и вытянутыми передними лапами [21, с. 243].

Особое отношение к собаке сохраняется у некоторых народов и в раннем железном веке. В раннесарматских курганах Волжско-Уральского междуречья собаку чаще всего хоронили в насыпи кургана, над могилой человека [22, с. 102]. Особого внимания заслуживает погребение собаки в отдельной могиле и в деревянном гробу в Новоникольском сарматском могильнике в Нижнем Поволжье [23, с. 15]. Вероятно, обычай почитания собаки был принесен сарматами и на территорию Украины [24, с. 222]. Захоронения собак известны в погребальных памятниках скифов [25, с. 389; 26, с. 63]. Глиняные фигурки собак, использовавшиеся в религиозных культах, найдены возле жертвенников на Бельском городище скифской эпохи в Поворсклье [27, с. 134].

Количество приведенных примеров можно увеличить, но новые данные вряд ли внесут кардинальные изменения в фиксируемую ситуацию. Наиболее рельефно следы почитания собаки прослеживаются у древнего населения восточных и юго-восточных районов Европы и Западной Сибири, в пределах лесной, лесостепной и степной зон. К западу от очерченной территории археологические свидетельства культа собаки пока отсутствуют, хотя важная роль ее в хозяйстве населения Северного Причерноморья не вызывает сомнений (остатки по крайней мере 112 собак в остеологических материалах Михайловского поселения и минимально 12 особей на Усатовском поселении) [28, с. 172, табл. 4; 29, с. 145, табл. 1]. Правда, немногочисленные глиняные фигурки собак известны в раннетрипольских комплексах, но выраженные следы культа отсутствуют [30, с. 201].

Показательно, что в наиболее ранних, неолитических и энеолитических, памятниках различий между погребениями человека и собаки не существует: собак хоронят на территории родовых могильников, по всей видимости, с полным соблюдением положенного ритуала (создание отдельного могильного сооружения, придание определенного положения телу, подсыпки охры, наличие сопровождающего инвентаря). Какие-либо особые функции собаки (охотничья, сторожевая и т. п.) специально не подчеркиваются. Собака выступает как существо, равнозначное человеку, по крайней мере в обрядовом отношении. Положение несколько изменяется в эпоху бронзы, когда на первый план выходят пастушеская и охранная функции, а собака в основном сопровождает погребение человека, находясь возле могилы или в могиле. Тем не менее, ее статус остается высоким — отливки фигурок собак в цветных и благородных металлах свидетельствуют о неординарной позиции этого животного в системе идеологических представлений. В раннем железном веке отношение к собаке в принципе остается прежним у скотоводческих популяций и несколько трансформируется у народов, в хозяйстве которых на ведущие позиции выходит земледелие с соответствующим набором земледельческих культов и пантеоном божеств. Культ собаки у них существует в виде затухающей древней традиции.

Особо следует отметить устойчивую сопричастность собаки к погребальному ритуалу, связанную с определенными эсхатологическими представлениями. Определить их причинную обусловленность и направленность можно только с привлечением литературных и этнографических материалов, так как чисто археологические источники составляют только материальную основу для возможных реконструкций идеологической сферы. Большой комплекс данных содержится в древнейших памятниках индоиранской литературы — Ригведе [31] и Авесте [32], которые в настоящее время многими исследователями рассматриваются как памятники единой региональной мифо-поэтической традиции [33].

В Ригведе собака упоминается неоднократно, но считается ритуально нечистым животным. В основном она была призвана охранять дом и стадо. Бог Индра использовал суку Сараму для поиска коров, украденных и спрятанных демоном Пани [Рв. I, 62], что в общем соответствует пастушеским функциям собаки, предназначенной не только охранять стадо, но и возвращать отставших или заблудившихся животных. Вместе с тем, отношение ариев к собаке лишено всякого пиетета. Тот же Индра до победы над змеем Вритрой «... из-за нужды ... варил потроха собаки» [Рв. IV, 18]. Певец, имея в виду соперников-поэтов, восклицает: «Пришибите псов, лающих вокруг» [Рв., I, 182]. Несмотря на метафоричность высказываний, понятно, что швырнуть в собаку камнем или съесть ее в случае голода было делом обычным и ненаказуемым. Правда, царя мертвых Яму сопровождали две собаки, охранявшие его царство и доставлявшие туда души умерших, но Яма не обладал божественной сущностью, выступая в роли первого смертного, проложившего дорогу остальным. Он возглавлял сонмы «отцов» — мифологических предков, также не тождественных богам. Их природа двойственна: с одной стороны, они могли приносить пользу, посылая здоровое мужское потомство, с другой — соприкосновение с ними было чревато враждебным вмешательством, избежать которого можно было только исполнением специальных ритуалов [33, с. 504].

В целом, в представлениях ариев собака была лишена божественной сущности, но связана с царством мертвых и душами предков, что безусловно отражает какую-то архаическую традицию.

Иное отношение к собаке характерно для иранской мифо-поэтической концепции, наиболее полно отраженной в Авесте. В особом погребальном кодексе Авесты — Ви-

девдате, имеющем более позднее происхождение, но, вероятно, аккумулирующем древние мифологические и космогонические представления индоиранцев, различаются собаки пастушеские, домашние (сторожевые) и охотничьи, содержатся подробные предписания, как их кормить и лечить, предусматриваются очень суровые наказания для тех, кто причинит собаке вред или убьет ее, даже в случае бешенства [Вд., XIII, 8-40]. В зороастризме собаке отводится чрезвычайно важная роль в погребальном ритуале: тело умершего выставлялось для поедания собаками или птицами и только после этого очищенные от плоти кости помещались в специальную постройку. Уже в момент смерти появлялась ведьма Насу, пытавшаяся перехватить душу усопшего и унести ее в царство тьмы, и только пристальный взгляд собаки или поедание ею трупа могли противостоять силам зла [Вд., VII, 1-3]. Существовал особый обычай «сагид», предполагавший обязательное присутствие собаки при умирающем [34, с. 56]. И после смерти человека собака принимала непосредственное участие в дальнейшей участи его души. У волшебного моста Чинват, ведущего в рай, душу встречала женщина (в зависимости от количества грехов являвшаяся то в виде юной девы, то в виде безобразной старухи), сопровождаемая двумя собаками, охранявшими мост и вступавшими в бой со злыми духами, преследующими душу [Вд., XIII, 9].

В отличие от арийского эпоса, зороастризм признает священную миссию собаки и ее активное участие в процессе многократных перевоплощений души человека. Как практическую реализацию этих перевоплощений некоторые исследователи трактуют обычай выставления покойников для их поедания животными [35, с. 337].

Обращает на себя внимание значительная близость позиций по отношению к собаке у древних иранцев и племен лесной зоны Зауралья — представителей финно-угорской языковой группы. Многочисленные лексические схождения, сходство ряда мифологических сюжетов, наконец, пережитки элементов шаманизма в религиях индоиранцев позволили предположить что отмеченное взаимовлияние возможно было только в условиях длительных и многообразных контактов двух массивов населения в местах их первоначального обитания. Вероятно, эти контакты установились в общепарийскую эпоху, а после разделения индоариев на «индийскую» и «иранскую» ветви наиболее тесное общение происходило между финно-уграми и ираноязычными племенами [36, с. 98 и сл.].

Отчетливые следы культа собаки прослеживаются у обских угров, в мифологии которых сохранились предания о прежнем проживании собаки на небе и ее прочных связях с духами Верхнего мира. Собаки, в отличие от большинства людей, кроме шаманов, видят духов и могут уберечь от них человека, они лаем предупреждают о появлении сверхъестественных существ. Собаки тесно связаны с миром мертвых и первыми замечают возвращение умерших, они обладают свойством отводить от человека болезнь и порчу. Аналогичные способности присущи только шаманам, но связь шаманов с миром духов также осуществляется посредством собаки — собачьей шкурой обтягивают бубен — основной инструмент при камлании [37, с. 47-49]. У манси еще в прошлом веке соблюдался обычай хоронить собак на особых собачьих кладбищах [38, с. 73].

Об общении индоиранцев и финно-угров свидетельствует и почитание ими птиц. В эпосе и индоариев и иранцев присутствуют сходные сюжеты о похищении птицами божественного напитка — сомы (хаомы) [36, с. 122 и сл.]. В зороастризме пожирание трупа птицами, наряду с собаками, считалось верным залогом попадания души в рай. Этнографические материалы показывают, что у некоторых западносибирских народов сохранились представления о птицах-тотемах. Так, у селькупов существовали роды Орла, Журавля, Ястреба и проч., вплоть до недавнего времени запрещалось убивать

птиц-тотемов [39, с. 98]. У кетов было в обычае выращивать в домашних условиях орлята [40, с. 172]. С тотемистическими представлениями о птицах-предках связаны распространенные у восточных хантов женские накосные украшения в виде парных изображений ястреба, ворона и т.п. [41, с. 139]. В одном из преданий финно-угров орел выступает в качестве первого шамана, научившего шаманить людей [36, с. 109]. Характерно, что в скифском искусстве и в искусстве сасанидского Ирана существовали сходные образы фантастических существ, соединяющих черты птицы и собаки [42].

Таким образом, в истоках культа собаки, скорее всего, лежат тотемистические представления о собаке-первопредке, наиболее ярко отраженные в авестийской традиции, базирующейся на признании единственности человека и собаки. В этнографии есть немало примеров признаваемого родства с собакой. У кыргызов существует легенда о происхождении их народа от красной собаки [43, с. 113]. От белой собаки выводила свой род одна из групп киданей [44, с. 264]. Сам обычай выставления умерших для пожирания собаками может рассматриваться как один из способов приобщения к тотему [45, с. 280]. С такой точки зрения, принятая у зороастрийцев практика очищения костей умершего собаками и птицами может рассматриваться как слияние в рамках единого культа двух древних тотемистических традиций.

В Виведдате указывается, что душа умершей от старости собаки попадает в водный источник, где из каждой тысячи кобелей и каждой тысячи сук возникают две «водяные собаки» — самец и самка [Вд. XIII, 50-51]. Исходя из того, что источник — это одно из воплощений богини вод и плодородия Ардвисуры Анахиты, Ю. А. Рапопорт предположил, что «водяные собаки» являются зооморфными праобразами, возникшими на стадии тотемистических культов и обособившимися в процессе антропоморфизации божества [46, с. 31]. Подобные превращения встречаются и в других религиях. К примеру, богиня Артемида часто изображалась в сопровождении собаки и могла сама обращаться в собаку [47, с. 193].

В целом, ретроспективно рассматривая роль собаки в системе религиозно-мифологических представлений, можно предположить, последовательный ряд «ипостасей» этого животного: тотем — божество — посредник между людьми и богами. Складывание культа собаки происходило преимущественно в среде охотничье-собирательских и скотоводческих племен, сам способ существования которых предопределял важную роль собаки в процессе производства. Захоронения собак в неолитических могильниках скорее отражают стадию тотемистических культов, в которых собака выступает в роли первопредка и самим фактом своего присутствия в родовых усыпальницах гарантирует сохранение и приумножение социума. На определенной стадии культа она трансформируется в божество, вероятно, связанное с циклическим возрождением природы, а у скотоводов — с сохранением и восстановлением поголовья домашних животных. В процессе антропоморфизации древних божеств их зооморфные праобразы отходят на второй план, но у некоторых народов собака сохраняет божественную сущность и выступает в роли посредника между миром богов и миром людей.

Не исключено, что погребение собаки в кургане у с. Красная Гусаровка отражает стадию обожествления, так как имеет ярко выраженные признаки неординарности — отдельную насыпь, сложное устройство погребального сооружения, остатки тризны и костей жертвенного животного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер В. Ф. Значение собаки в мифологических верованиях // Древности. Тр. МАО.— Т. VI.— 1876.

2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы.— Т. II.— Тбилиси, 1984.
3. Свешникова Т. И. Волк в контексте румынского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (погребальный обряд).— М., 1990.
4. Шилов Ю. А. Прародина ариев: история, обряды и мифы.— К., 1995.
5. Цветкова И. К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы.— М., 1970.
6. Крижевская Л. Я. К вопросу о производстве каменных орудий у неолитических племен Приангарья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1961.
7. Ковалева И. Ф. Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н. э.— Днепрпетровск, 1984.
8. Телегін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді.— К., 1973.
9. Резепкин А. Д. Курган 31 могильника Клады. Проблема хронологии и генезиса майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья.— А., 1991.
10. Клименко В. Ф. Курганные древности Северского Донца.— Енакиево, 1997.
11. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке.— К., 1978.
12. Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ.— Вып. В1-22.— М., 1987.
13. Крайнов Д. А. Памятники фатьяновской культуры Ярославско-Калинская группа // САИ.— Вып. В1-20.— М., 1964.
14. Крайнов Д. А. Болшневский могильник фатьяновской культуры // Памятники древнейшей истории Евразии.— М., 1975.
15. Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет исторического музея за 1914 г.— М., 1916.
16. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала.— М., 1967.
17. Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА.— 1977.— №4.
18. Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль // МИА.— 1952.— №24.
19. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья.— М., 1972.
20. Андроновская культура. Вып. 1 // САИ.— Вып. В3-2.— М., 1966.
21. Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Тр. XII АС.— Т. I.— М., 1905.
22. Смирнов К. Ф. Савроматы.— М., 1964.
23. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья.— А., 1975.
24. Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА.— М., 1954.
25. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— А., 1925.
26. Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского.— М., 1953.
27. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).— К., 1987.
28. Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макарович М. Л. Михайлівське поселення.— К., 1962.
29. Патокова Э. Ф. Усатовское поселение и могильник.— К., 1979.
30. Бибииков С. Н., Збеневич В. Г. Ранний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР.— Т. I.— К., 1985.
31. Ригведа. Избранные гимны / Пер. и ком. Т. Я. Елизаренковой.— М., 1972.
32. Маковельский А. О. Авеста.— Баку, 1960.

33. Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV.— М., 1989.
34. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране.— М., 1982.
35. Штернберг Л. Я. Эволюция религиозных верований // Первобытная религия.— Л., 1936.
36. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии.— М., 1983.
37. Мошинская В. И., Лукина Н. В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья.— Томск, 1982.
38. Васильев Ю. А. Собаки в фольклоре и культе северных народов // Советская Арктика.— 1935.— №5.
39. Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире // Сб. МАЭ.— Т. XX.— М., 1961.
40. Алексеенко Е. А. Кеты.— Л., 1967.
41. Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров // Труды ИЭ.— Т. 51.— М., 1959.
42. Тревер К. В. Сэнмурв-паскудж, собака-птица.— Л., 1937.
43. Соколова З. П. Культ животных в религиях.— М., 1972.
44. Викторова Л. А. Ранние формы религии у киданей // Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.
45. Пропп Ю. А. Исторические корни волшебной сказки.— М., 1971.
46. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма.— М., 1971.
47. Фрезер Дж. Золотая ветвь.— Вып. III.— М., 1928.

SUMMARY

In the article it is published about the unique burial of a dog in burial mound 4 of Krasnaya Gusarovka-A burial ground in Kharkov region and on the basis of enlisting archaeological and folklore — ethnographical sources it is examined the evolution of a dog's cult which is asised among hunting — collecting and cattlebreeding tribes of Europe in neolith — eneolith ages. On the basis of available data it is marked several stages in de-velopment of the cult; these are the following: totem-deity; associated with cyclic nature rebirth — the mediator between the world of deities and the world of people.

